

М. Эдельман
США

Перевод с английского И. С. Пирожковой, С. М. Полякова

КАТЕГОРИЗАЦИЯ, ВОСПРИЯТИЕ И ПОЛИТИКА (2)

АННОТАЦИЯ. Продолжение перевода главы «Категоризация, восприятие и политика» из книги «*Политический язык: успех слова и провал политики*» («*Political Language: Words that succeed and policies that fail*», 1977). Одной из наиболее часто встречающейся формой политической категоризации является определение какой-либо большой группы людей, представляющей такую серьезную угрозу, что их физическое существование, наиболее характерные для них образ мысли и чувств или то и другое вместе взятые должны быть уничтожены или безжалостно подавлены. Языковые референции порождают «реальность», которая феноменологически не отличается от любой другой реальности. Рассматриваются такие важные для политического дискурса явления, как порождение предположений языковыми средствами и языковая реконструкция фактов (политические факты, беспокоящие людей и приводящие к конфликту, часто реконструируются так, чтобы они соответствовали общим убеждениям о том, что должно произойти). Языковая сегментация политического мира не оставляет возможности заниматься проблемами с учетом их логических и практических связей друг с другом, политический язык подталкивает к их восприятию как отдельных явлений. Отношение к проблемам и политике создает в голове каждого представления о цепочке кризисов, передряшек, оснований для тревоги и надежды.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; языковая категоризация; образ врага; социальный консенсус; метафорика; стереотип мышления.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Мюррей Эдельман (1919—2001), магистр исторических наук (1942), доктор политических наук. Работал в Иллинойском университете (с 1948 г.), в Висконсинском университете в Мадисоне (с 1966 г.), с 1990 г. официально не работал.

СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕВОДЧИКАХ: Пирожкова Ирина Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: irene22@live.ru.

Поляков Сергей Михайлович, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков, Шадринский государственный педагогический университет; 641800, г. Шадринск, ул. К. Либкнехта, 3; e-mail: sepol@list.ru.

Категоризация врагов

Одной из наиболее часто встречающихся форм политической категоризации является определение какой-либо большой группы людей, представляющей такую серьезную угрозу, что их физическое существование, наиболее характерные для них образ мысли и чувств или то и другое вместе взятые должны быть уничтожены или безжалостно подавлены. Геноцид тысяч (а в случае с нацистами — миллионов) людей, пытки политзаключенных, несправедливое преследование людей, ведущих подрывную деятельность, или охота на ведьм, т. е. людей, подозреваемых в сотрудничестве с дьяволом, а также избиение участников митингов протеста при их аресте практически везде служат наиболее яркими примерами такой формы мышления, которая всегда приводила к преследованию значительной части мирового населения при явно выраженной или молчаливой поддержке остальных людей. В работе, посвященной расстрелу студентов в университете Кента, штат Огайо, Джеймс Мишнер пишет, что «мать двух студентов колледжа в штате Огайо выступила в поддержку стрельбы по студентам даже за малые проступки, такие как хождение босиком

или длинные волосы» [Struggle for Justice 1971: 155].

Наиболее враждебные действия всегда направлялись против людей, которых позднее признавали невиновными в преступлениях, приписываемых им современниками: так было с евреями в нацистской Германии и в России на рубеже XIX—XX вв., с еретиками во времена инквизиции, католиками во время антикатолического движения 1830-х гг. в США, с американскими индейцами в XIX в. и с представителями контркультуры в 1960-х гг. Противники, причиняющие физический вред, в отличие от тех, которые выступают психологическими и политическими соперниками, вызывают другое отношение; но даже несмотря на то, что отнесение невиновных в категорию врагов повторяется в истории, каждый случай позднее считается несчастным исключением; так происходит потому, что трудно согласиться с тем, что общепринятые убеждения оправдывают преследование с целью наказания.

Может показаться, что другие проявления этого же психологического феномена относятся к явлениям другого порядка, но так происходит только потому, что они являются еще более обычными. Часто в обществе появляется желание наказать за такие

Перевод выполнен за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02102).

Продолжение. Предыдущая часть перевода: *Политическая лингвистика*. 2016. № 4. С. 244—250.

© Эдельман М., 1977

© Пирожкова И. С., Поляков С. М., перевод на русский язык, 2016
166

«преступные действия» без потерпевших, как нетрадиционный секс, употребление наркотиков и попытку самоубийства. Страх перед бедными и чужими лежит на поверхности сознания многих людей, и он становится особенно сильным, когда бедные или чужие демонстрируют нетрадиционное поведение. В такой ситуации правительство легко находит поддержку в обществе для ограничения моральной свободы таких людей под видом помощи, даже когда такая помощь предполагает лишение свободы.

Низкий социальный статус сам по себе способствует формированию подозрения в угрозе обществу. Теодор Сабрин отмечает, что слово «dangerous» (опасный), «возможно, произошло от языковой единицы со значением *относительное положение* в социальной структуре».

«Люди или группы людей, угрожающие существующей структуре власти, являются опасными. В любой исторический период для идентификации индивида, имеющего статус члена „опасного класса“... использовался ярлык „преступник“ ...Конструкт „преступник“ не используется для классификации всех нарушителей закона, а только тех, чье положение в общественной структуре свидетельствует об их принадлежности к опасным классам» [Sarbin 1969].

Учитывая, что идеи преступности и бедности связаны между собой лингвистически, следует заметить, что они еще более тесно связаны в определении и наказании преступления, что подтверждает точку зрения Теодора Сабрина. В то время как преступления представителей средних и высших классов (ценовой сговор, хищение, незаконная торговля) обычно рассматриваются как вполне понятные нарушения законной деловой практики, не очень опасные для общества и редко строго наказуемые, преступления бедняков (воровство, нападение) считаются свидетельством их природной опасности и наказываются гораздо более сурово, несмотря на то, что они затрагивают незначительную часть людей, по сравнению с числом пострадавших от преступлений «белых воротничков», и редко причиняют своим жертвам такой же серьезный вред с такими же длительными последствиями.

Существуют поразительные характеристики «врагов», которые порождают сильные эмоции и желание наказать. Во-первых, значительная часть населения вообще не считает таких врагов преступниками. Скорее всего, сам факт, что их категоризация противоречива, усиливает страх тех людей, которые воспринимают их как угрозы, в связи с тем что на кону их собственная способность

рационально мыслить. Убеждение в реальности этих врагов становится для большинства контрольным показателем собственной адекватности и критерием самооценки.

Во-вторых, группа, которую определяют как врагов, представляет собой относительно слабый сегмент населения и часто является незначительным меньшинством. Они могут выглядеть как студенты, бизнесмены или обычные политические диссиденты, но все они реально участвуют в секретной подрывной деятельности, опасной для их окружения и для них самих. Категоризация таких людей как тайно творящих зло означает игнорирование их очевидных человеческих качеств и оправдание их уничтожения.

Этот тип дефиниции становится более понятным при сравнении с политическим определением и восприятием обычных противников. Против оппозиции, практикующей явно враждебную тактику, следует принимать тактические и стратегические ответные меры, а не репрессии. Необходимо учитывать способности оппонентов к планированию и вероятность ошибки; каждая сторона должна попытаться посмотреть на ситуацию с точки зрения оппонента, чтобы лучше понять его или ее стратегию. Восприятие оппонента как обычного человека с его склонностью к расчету и возможностью ошибки должно лежать в основе отношений и действий в таких противостояниях. Но представление чужого как человека, который тайно творит зло, характеризует его как бесчеловечное и жуткое существо (мы использовали определение Фрейда для сходной формы представления). Соответственно мы не можем поставить себя на его место и не сможем посмотреть на ситуацию с его точки зрения, не сможем договориться с ним или играть с ним в стратегические игры. Только репрессия может принести избавление.

Мы рассмотрели эти контрастные позиции с точки зрения их характеристик: восприятие, предсказуемость, принятие социальной роли и чувство. Эти позиции могут приниматься как выражения языковой категоризации (более подробно об описании этих феноменов в терминах психологической или языковой категоризации см.: [Pears 1970: 149—178]). В одних случаях оппонент классифицируется как цивилизованный противник, наделенный интеллектом, с недостатками, похожими на наши собственные несовершенства, что позволяет нам «вступить с ним в игры», хотя эти игры могут быть опасными и даже смертельными. С этих позиций обычно характеризуются начальство, спортивные соперники, профсоюзы, соперничающие политические группы и политиче-

ские партии, противоборствующие стороны в суде и военные противники. Все они являются «видимыми» людьми, занимающимися своей деятельностью в соответствии с ее названием как «спортивные соперники», «союзы», «враг Великобритании» и т. д. Враги другого рода носят названия, которые подчеркивают их тайные, бесчеловечные и непредсказуемые свойства, что делает невозможным обращение с ними как с человеческими существами: «участник коммунистического заговора», «нигилист», «уголовник», «психопат» или, в другие времена и эпохи, «ведьма» и «пособник дьявола». Метафора и метонимия усиливают такие образы, давая заинтересованным людям основания для убеждения в том, что все нормальные люди понимают и чувствуют так же, как он или она.

Обратите внимание на то, что только посредством названий и других словесных знаков такие невидимые враги узнаются и воспринимаются. По определению, они либо тайно действуют, либо имеют скрытые внутренние пороки. Языковые референции порождают «реальность», которая феноменологически не отличается от любой другой реальности.

Порождение предположений языковыми средствами

Некоторые языковые формы порождают важные представления, которые некритически и подсознательно принимаются как само собой разумеющееся. В политике они часто касаются таких вопросов, как выгодность государственной программы, кто несет ответственность за ее успех или провал или отчетливость выбранного курса действий.

Давайте рассмотрим несколько простых примеров. Кампании по пропаганде безопасной езды, спонсируемые государством или торговой ассоциацией, делают акцент на водителе как возможной причине аварии: на его небрежном или рискованном вождении или пренебрежении к поддержанию автомобиля в хорошем рабочем состоянии. Эти кампании отвлекают общественное внимание от информации, согласно которой аварии неизбежны, независимо от стиля вождения, потому что биологические и психологические способности человека просто не позволяют справиться со всеми неожиданными обстоятельствами, которые случаются на дороге. Дефекты проекта и конструкции делают автомобиль «опасным при любой скорости»; кроме того, большая мощность двигателя, высокие лимиты скоростей, спуски и повороты создают ситуации, с которыми человеческий мозг и нервная система вряд

ли способны справиться на сто процентов, независимо от того, насколько осторожен водитель или надежна машина. Независимо от того, успешна или нет кампания по пропаганде безопасной езды, она создает предположение о сути проблемы и об ответственности за ее решение, которое может быть только отчасти верным. Акцент на недисциплинированном водителе допускает, без каких бы то ни было доказательств, много такого, что требует скептического анализа; и это принимается людьми без сопротивления и внутреннего сомнения: разве кто-то может сомневаться в достоинстве безопасного вождения? Такая форма представления на руку производителям автомобилей и дорожному лобби для поощрения общественной критики попавшего в аварию водителя и зарождения сомнения в себе и чувства вины у водителей.

Яркие метафоры, иногда включающие статистические данные о реальных или гипотетических событиях, могут создавать эталоны, которые формируют у людей суждения об успехе или провале определенных программ. Заявление о том, что правительство планирует сократить безработицу до уровня 6,8 % в течение года, или удержать ожидаемый рост ниже уровня 7,5 %, создает эталон успеха, по которому оценивается будущее положение дел. Внимание акцентируется на достижении заявленной цели, а не на семи или восьми миллионах людей, которые продолжают оставаться без работы. В соответствии с таким представлением явным образом принимается как должное государственная политика, которая допускает, что всегда будет от четырех до шести миллионов человек, которые не могут найти работу, а также миллионы потерявших всякую надежду на трудоустройство. Подобные неоднозначные эталоны способствуют формированию предположений о том, насколько разумным является социальный или военный бюджет и в какой мере правдивы отчеты правительства об успехах.

Эти примеры основаны на сегментном представлении изменений в политике. Акцент на маргинальных изменениях скрывает моменты, лежащие в основе других сегментов и являющиеся наиболее важными для данной политической ситуации. Для достоверной информации о сегментных изменениях в политике или социальном обеспечении необходимо установить категории, которые скрывают истинные официальные источники проблемы. Такая форма структурирования проблемы всегда дает символические или иллюзорные результаты, так как и официальные власти, и общественность основное

внимание уделяют сегментированию как таковому, не представляя, какие проблемы существуют внутри каждого сегмента. Такие символические результаты еще больше закрепляют схему категоризации и связанное с ней общее представление о ситуации.

Языковая реконструкция фактов

Политические факты, беспокоящие людей и приводящие к конфликту, часто реконструируются так, чтобы они соответствовали общим убеждениям о том, что должно произойти. Гарольд Гарфинкель представил нам великолепный анализ использования этого лингвистического приема членами жюри, в котором показал, что члены жюри приходят к соглашению при определении, что является фактом, что — предубеждением и что относится к делу таким образом, чтобы их заключение совпадало с существующими общественными нормами. Общественная норма, так сказать, определяет факты и их интерпретацию. По словам Г. Гарфинкеля, члены жюри решают, «что является выдумкой, а что — правдой... что заранее придумано и высказывается с умыслом; что относится к делу, а что — нет; что *все равно* относится к делу, по сравнению с тем, что не имеет отношения к делу и не может быть использовано вновь, если не появится человек, заявляющий о своих претензиях; что является сугубо личным мнением, а с чем любой здравомыслящий человек готов согласиться. ...Решение о том, что „происходило в реальности“, дает членам жюри основания полагать, что они вправе рассчитывать на общественную поддержку за вынесенный вердикт» [Garfinkel 1967: 106—107]. (Укажем на другой источник, предлагающий интересные примеры языковой подсказки, влияющей на предположения и реконструкцию фактов, в нацистской Германии и Восточной Германии: [Mueller 1973: 24—42].)

Анализ примеров разрешения политического конфликта путем соглашения, основанного на вербальной формулировке, оправдывающей определенный курс действий, выявляет тот же самый процесс реконструкции фактов с помощью двусмысленности, выделения одних аспектов ситуации и скрытия других, замену всей проблемы ее частью и тонкого намека на те моменты, которые люди хотят видеть. Федеральная комиссия по связи с первых дней своего существования при выдаче лицензии отдает предпочтение заявителям, обладающим серьезными финансовыми средствами, в связи с чем богатые люди и успешные корпорации легко получают ее, в то время как люди с ограниченными доходами, включая мень-

шинства, диссидентов и радикалов, часто получают отказ. Комиссия объясняет такую практику тем, что радиослушатели и телезрители будут разочарованы, если владельцы лицензии будут использовать низкокачественное оборудование или вообще разорятся; следовательно, учет финансовых возможностей обеспечивает «общественный интерес, удобство и удовлетворение потребностей», что соответствует Закону о связи 1934 г. [см.: Edelman 1950]. Вполне очевидно, что предпочтение равного представительства политических течений в эфире могло бы быть оправдано на этих же основаниях. Федеральная комиссия по связи решает, какие проблемы являются ключевыми, что является сугубо личным мнением, а с чем любой здравомыслящий человек готов согласиться и что на самом деле произойдет в будущем — точно так же, как это делают члены жюри. Большинство обладателей лицензий Федеральной комиссии по связи принадлежат к деловым кругам, в которых главный упор на финансировании закономерно принимается как здравомыслящий подход. Официальное положение этих людей, реконструкция их мышления в условиях двусмысленности законов, а также недостаточное знание общественностью деталей волнующих проблем снижают обеспокоенность в общественном мнении и в умах членов комиссии.

Не то чтобы члены жюри, комиссии или обычные заинтересованные граждане просто забывали или отрицали наличие проблем, теряющих свою отчетливость при реконструкции. Реконструкция помогает заинтересованным лицам принимать проблемные факты и их интерпретации как допустимые и таким образом жить вместе с ними. Двусмысленность реконструированных проблем дает возможность каждой заинтересованной группе принимать ту интерпретацию, которая лучше всего соответствует их интересам, одновременно объявляя менее заинтересованным сторонам хорошую весть о том, что проблема получила рациональное решение.

Такие имплицитные противоречия в официальной риторике оправдывают правительственные меры, которые в случае подробного разъяснения их последствий были бы отвергнуты. Закон о бродяжничестве, например, был принят во времена, когда отмена рабства истощила приток дешевой рабочей силы на плантациях [Struggle for Justice 1971: 40]. Даже тогда людям было легче жить с уверенностью в том, что бродяги являются потенциальными правонарушителями, за которыми необходимо наблюде-

ние, чем открыто признать, что система правосудия просто обеспечивает работодателей послушной и дешевой рабочей силой. Такие законы и их применение шерифами графств до настоящего времени помогают контролировать диссидентов и заставлять их выполнять предлагаемую работу, достигая таким образом «запретной цели» под наиболее приемлемым названием — борьба с преступностью.

В таких случаях официальное оправдание обычно имеет двусмысленную основу. Люди, не имеющие доходов, скорее всего, могут нарушить закон, если они обеспокоены или доведены до отчаяния. Невысказанными остаются вопросы о том, должны ли подвергаться наказанию люди, которые не нарушили закон, и будет ли подходящим наказанием для нарушителей закона тюремное заключение или принудительный труд в условиях, на которые свободные рабочие люди никогда не согласятся. Определение проблемы оправдывает эти последствия, не отрицая их, а навешивая на бедняков ярлык преступников и таким образом помогая обществу, работодателям и полиции не испытывать угрызений совести.

Доминирующие категории речи и мысли определяют материально и политически успешных людей как достойных похвалы, а бедных и политических диссидентов — как умственно и морально несостоятельных. По этим же причинам политические решения, служащие интересам влиятельных кругов, воспринимаются как ожидаемые и справедливые результаты должным образом установленных правительственных практик. Метафоры и фигуры речи маскируют подверженность этих процессов подсознательному (или сознательному) манипулированию в частных интересах.

Для завоевания общественного признания политики большое значение имеют установившиеся правительственные процедуры, так как эти процедуры («установившаяся практика законодательного процесса») весьма гибки с позиций возможной мотивации и ожидаемого результата, но чрезвычайно строги с точки зрения представлений, которые они порождают. Мотивации и результаты могут быть своекорыстными, но их утверждение на выборах, в законодательской деятельности и юридической практике превращает их в публичное волеизъявление. Даже когда власти идут на трогательные уступки протестующим, которые преднамеренно нарушают юридический процесс, они открыто признают свои действия как установившуюся практику. Делая уступки нарушителям порядка в гетто, официальные

представители всегда отрицают тот факт, что они уступают насилию, и энергичность этого отрицания пропорциональна степени уверенности оппонентов в том, что они именно это и делают.

Вероятно, наиболее распространенная форма реконструкции фактов средствами языка осуществляется посредством включения в ясную или идеальную типологию случаев сомнительного или противоречивого характера. В случаях хорошо распознаваемых и широко известных примеров мошенничества со стороны получающих социальные пособия легко увидеть достаточно явную структуру в сомнительном образе. В одном из исследований образа получателей социальных пособий автор обнаруживает, что «когда респондентов просили назвать людей, которые получают от общества больше, чем заслужили, то они называли получающих пособия лиц чаще, чем любую другую категорию. Приблизительно треть респондентов в каждой категории спонтанно называли женщин, получающих пособия по уходу за ребенком, и мужчин, получающих пособия, как людей, которые получают от общества больше, чем заслужили. При этом респонденты, принадлежащие к нижнему среднему классу, и представители рабочего класса чаще включали в эту категорию людей, получающих пособия, чем богатых людей» [Lerner 1971: 66].

Вполне очевидно, что категоризация не просто создает представления и ложные представления о других физически отдаленных людях; она также оказывает влияние на функционирование двусмысленных представлений о других людях, которые находятся рядом с нами. Название категории формирует убеждения и государственную политику, превращая уникальные свойства отдельных людей, социальных проблем и политических мероприятий в действенные стереотипы.

Языковая сегментация политического мира

Проблемы, решаемые правительством, тесно взаимосвязаны в современном мире, хотя нам постоянно намекают, что их следует воспринимать как независимые друг от друга. В связи с тем, что ежедневные новости и правительственные заявления постоянно внушают обеспокоенность по поводу определенных вопросов, воспринимаемых как отдельные, не связанные между собой «проблемы» (международные события, забастовки, нехватка горючего, недостаток продовольствия, цены, партийная политика и т. д.), наши политические миры сегменти-

руются, расчленяются, и в каждый определенный момент в них делается акцент на небольшом наборе вопросов, даже несмотря на то, что каждая из этих «проблем» является частью все сильнее интегрирующегося целого. Войны приносят с собой нехватку товаров потребления и рост цен, что, в свою очередь, провоцирует недовольство рабочих и поиски врага. Экономическое процветание приводит к снижению воровства и бродяжничества, но стимулирует рост беловоротничковой преступности, увеличение спроса на горючее и другие отрицательные последствия. Но наше отношение к проблемам и политике создает в голове каждого из нас представления о цепочке кризисов, переделов, оснований для тревоги и надежды. И люди отчетливо осознают связи между проблемами и понимают, что само восприятие может быть произвольным и политически управляемым по причинам, о которых мы говорили выше. Восприятие политического мира в виде последовательности отдельных событий, произвольно оказывающих угрожающее или обнадеживающее воздействие на общество, заставляет людей легко поддаваться внушению, как специально организованному, так и случайному; так происходит, потому что окружающая действительность остается непредсказуемой, а люди находятся в состоянии постоянной тревоги. Вместо того, чтобы давать нам возможность заниматься проблемами с учетом их логических и практических связей друг с дру-

гом, политический язык подталкивает нас к их восприятию как отдельных явлений. Такой путь не приводит к успешному решению проблем и, в свою очередь, усиливает тревогу.

Созданные миры

Необходимо помнить, что убеждения и представления, основанные на неясной категоризации, не являются исключениями. Во всех существенных аспектах политические проблемы и акторы усваивают характеристики объектов через восприятие определенных символов. Посредством тонких языковых намеков и соответствующих политических действий мы получаем множество убеждений о характере наших проблем, их причинах, серьезности, о наших успехах или неудачах при попытке их решения, о том, какие аспекты этих проблем постоянны, а какие изменяемы, а также какое влияние и на какие категории населения они оказывают. Подобным же образом нас подталкивают к убеждениям о том, какие органы власти могут решить те или иные проблемы, о добросовестности и компетентности различных категорий населения, о критериях оценки государственной политики, о том, кто является союзником, а кто — врагом. Хотя символические подсказки и не являются всемогущими, они вносят большой вклад в определение географии и топографии политического мира каждого человека.

M. Edelman
USA

CATEGORIZATION, PERCEPTION, AND POLITICS (2)

ABSTRACT. *This is a translation of the second part of the chapter "Categorization, Perception, and Politics" from the book "Political Language: Words that succeed and policies that fail" by Murray Jacob Edelman, published in 1977. One of the most frequent recurring forms of political categorization is the definition of some large group of people as so serious a threat that their physical existence, their most characteristic ways of thought and feeling, or both must be exterminated or ruthlessly repressed. Linguistic reference engenders a "reality" that is not phenomenologically different from any other reality. The chapter focuses on such vital discursive phenomena as the linguistic generation of assumptions and the linguistic reconstruction of facts (political facts that disturb people and produce conflict are often reconstructed so that they conform to general beliefs about what should be happening). The linguistic segmentation of the political world makes it impossible to deal with issues in terms of their logical and empirical ties to one another; the language of politics encourages us to see them and to feel them as separate. But our mode of referring to problems and policies creates for each of us a succession of crises, of respites, of separate grounds for anxiety and for hope.*

KEYWORDS: *political discourse; linguistic categorization; categorization of enemies; social consensus; metaphor; stereotypes of thinking.*

ABOUT THE AUTHOR: *Edelman Murray Jacob (1919—2001), master's degree in history (1942, University of Chicago), Ph. D. in Political Science (University of Illinois, 1948). University of Illinois (since 1948), University of Wisconsin — Madison (since 1966), retired in 1990.*

ABOUT THE TRANSLATORS:

Pirozhkova Irina Sergeevna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Polyakov Sergey Mikhailovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Alford Robert. Health Care Politics. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1975.
2. Edelman M. Language and Social Problems // Society. 1975. № 12 (July—Aug.). P. 14—21. © 1975 Transaction, Inc.

3. Edelman Murray. The Licensing of Radio Services in the United States, 1927 to 1947. — Urbana : Univ. of Illinois Pr., 1950.

4. Garfinkel Harold. Studies in Ethnomethodology. — Englewood Cliffs, N. J. : Prentice-Hall, 1967.

5. Goodwin Leonard. Do the Poor Want to Work? — Wash-

ington, D.C. : The Brookings Institution, 1972.

6. Lerner Melvin J. All the World Loathes a Loser // *Psychology Today*. 1971. № 5 (June).

7. Merleau-Ponty Maurice. *Phenomenology of Perception*. — London : Routledge and Kegan Paul, 1962.

8. Mueller Claus. *The Politics of Communication*. — New York : Oxford Univ. Pr. 1973. P. 24—42.

9. Mueller John E. Trends in Popular Support for the Wars in Korea and Vietnam // *American Political Science Review*. 1971. № 65, June. P. 358—375.

10. Pears David. *Ludwig Wittgenstein*. — New York : Viking, 1970. P. 149—178.

11. Piven Frances F., Cloward Richard A. *Regulating the Poor*. — New York : Vintage, 1971.

12. Sarbin Theodore R. *The Myth of the Criminal Type*. — Middletown, Conn. : Wesleyan Univ., Center for Advanced Studies, 1969. (Quoted in *Struggle for Justice* // American Friends Service Committee. P. 77—78).

13. Schütz Alfred. *Common-Sense and Scientific Interpretation of Human Action* // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1953. № 14, Sept.

14. *Struggle for Justice* / American Friends Service Committee. — New York : Hill and Wang, 1971.

15. U. S. Department of Health, Education and Welfare. *Work in America*. — Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1972.

16. U. S. Department of Health, Education, and Welfare. *Report of the New Jersey Graduated Work Incentive Experiment*. — Washington, D. C. : U. S. Government Printing Office, 1973.